

Композитор Владимир Тарнопольский — в интервью «Газете»

«Как композитор я в России никому не нужен»

В рамках фестиваля Бетховена в Бонне прошла мировая премьера мультимедийной оперы Владимира Тарнопольского «Над тенью», написанная специально по заказу фестиваля. Перед спектаклем с автором встретилась обозреватель «Газеты» Гюляра Садых-заде.

В аннотации к вашей опере сказано, что вы опирались на притчу Платона о человеке, который сидит в пещере, видит на стене тени и думает, будто это и есть мир. Как эта притча выражена музыкально?

Я — интуитивист, иду от частного к общему. Создавая оперу, шел от звука, а потом уж искал для него «одежду».

Под «одеждой» вы подразумеваете смысл?

Звук для меня и есть смысл. И я понял, что сочинение должно быть связано метафорически с эхом, а визуально — с тенью.

Тень в Германии обросла множеством романтических толкований. Немцы — все романтики. Но я трактовал понятие «тень» не в романтическом понимании, а взял философский аспект темы. В основе моего сценария лежат две идеи из античности: идея Платона об узниках пещеры и идея Плиния Старшего о происхождении живописи из тени. Возлюбленный уходил, и его тень, упавшую на стену, обвела контуром любимая. И я продолжаю эту тему происхождения искусств: музыка возникла из эха, поэзия — из слов, живопись — из тени.

Материал, который вы излагаете, больше подходит для трактата, нежели для оперы.

А почему музыка должна быть либо глупой, либо изобразительной?

В спектакле большую роль играет хореография. Персонифицированных героев в опере нет. Есть два трио: трио мужское — это пленники пещеры. И трио женское — это искусства.

«Над тенью» — не первый ваш проект, осуществленный в Германии?

Это мой шестой сценический проект на Западе. Первым был музыкальный фарс, написанный для фестиваля Ростроповича в Виане, в 1993 году, назывался «Ох, эти русские!» Самая крупная работа для Мюнхенского оперного биеннале называлась «Когда время выходит из берегов». У меня был поставлен балет в Голландии. Еще я написал большую детскую оперу для Лондона: «Золушка» на тексты Роальда Даля была поставлена в «Барбикан-холле» в 2002 году. Затем то же сочинение было поставлено уже в Норвегии.

Как вы объясняете факт, что шесть ваших проектов воплощены на Западе, а в России — ни одного?

Конечно, мне бы хотелось работать и для России. Но наши певцы не могут петь современную музыку. С 1991 года в России не прозвучало ни одного моего симфонического сочинения. Музыканты не готовы играть современную музыку: для этого им сначала нужно переиграть Булеза, Штокхаузена, Луиджи Ноно. Я руковожу в Московской консерватории ансамблем современной музыки и вижу, как

меняются музыканты, приходя в ансамбль: постепенно входят во вкус, играя много новой музыки. У них появляются навыки, привычка, стиль.

Когда я приезжаю на Запад, я завидую до слез, как они тут здорово играют современную музыку. А в России нет контекста, нет культурных ожиданий нового. Я нахожу, что сейчас в стране отношение к культуре, к людям культуры — хуже, чем в советское время. Тогда страна считалась культуроцентричной; отрицать академическую музыку, демонстрировать пренебрежение к культуре было неприлично. А теперь, я убежден, эта область жизни просто умирает. Здесь, в Германии, я копаюсь в книжных развалах и чувствую, как бьется живая мысль, какой здесь интенсивный интеллектуальный процесс идет. А в России, получается, люди, имеющие отношение к искусству, — абсолютно «лишние люди». В Москве я ведь очень востребован: как музыкальный деятель, как педагог, как руководитель ансамбля... Но как композитор я в России никому не нужен. Меня просто нет, будто я — невидимка. **ГАЗЕТА**